

10 октября 1929 в Симферополе состоялась II всекрымская конференция представителей крестьянской бедноты, на которой присутствовало 120 делегатов. В повестке дня стояли следующие вопросы: земельная реформа и задачи по ее осуществлению; колхозное и совхозное строительство в Крыму; задачи групп бедноты по проведению хлебозаготовок.

В принятой резолюции группам бедноты отводилась важная роль в проведении новой земельной реформы, ключевым направлением которой призвана была стать массовая коллективизация. Вся работа групп бедноты должна была осуществляться по трем основным направлениям: а) мобилизация общего мнения бедноты вокруг земельной реформы для отпора кулачеству; б) организация бедноты для проведения самой реформы; в) вовлечение бедноты в осуществление всех практических мероприятий Советской власти в деревне. Признавалась необходимость активизации работы среди батрачества, при этом бедняцко-батрацкие слои признавались "основной силой в деревне" [17].

Однако не все руководящие работники разделяли мнение партии о всемерной поддержке бедняцко-батрацких элементов, поскольку видели в подобной политике трагический исход для сельского хозяйства в рамках всей страны. В апреле 1929 года из печати вышла книга заместителя заведующего отделом ЦК ВКП(б) по работе в деревне Лациса "О бедноте". Заведующий отделом по работе в деревне крымского обкома партии Самединов к названию книги дописал: "и лодыре", что отражало реальное состояние дел на селе. Однако, эти резкие замечания дальновидных политиков и хозяйственников оставались без внимания перед стратегическими планами массовой коллективизации села, при проведении которой большевики могли рассчитывать на бедняцко-батрацкие элементы.

Таким образом, несмотря на провозглашенный на VIII съезде РКП(б) в 1919 году курс на формирование союза рабочего класса с середняком, в реальной политике большевиков до конца 20-х годов четко прослеживалась ориентация на бедняцко-батрацкие слои, которым оказывалась всемерная помощь. Эта категория крестьян совершенно несостоятельная экономически была очень выгодна большевикам с политической точки зрения, поскольку с ее помощью можно было проводить разжигать классовую рознь, столь необходимую для ликвидации кулачества как класса. В результате наиболее активные в хозяйственном отношении слои деревни были обречены на гибель, а беднейшие категории села призваны были стать в авангарде коллективизации. Таким образом, противоречивая и непоследовательная политика Советской власти, активная поддержка непроизводительной части деревни в лице бедняков и усиление налогового гнета на зажиточных крестьян, а также постоянное противопоставление бедноты другим социальным слоям стали причиной экономического дисбаланса и нестабильности на селе.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.1.– Оп.1. – Д.60. – Л.1
2. Там же. – Л.13
3. ГААРК. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.373. – Л.14
4. Там же. – Д.928. – Л.6
5. Отчеты ЦИКа, СНК, наркоматов и госучреждений Крымской АССР. 1923. – С.415
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.,1970. – Т.3. – С.328–330.
7. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.574. – Л.23
8. Там же. – Д. 457. – Л.100.
9. Там же. – Л. 306.
10. Там же. – Д. 256. – Л. 34.
11. Там же. – Л. 37.
12. Там же. – Д.457. – Л.120.
13. Там же. – Л. 134.
14. Там же. – Л. 136.
15. Красный Крым. – 1928. – 4 марта.
16. РГАСПИ – Ф.17. – Оп.16. – Д.421. – Л.17.
17. ГААРК. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.165. – Л.17.

Григорьева Л.И.

ОСОБЕННОСТИ МУЗЕЙНОЙ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА В 20-е – нач.30-х – годов XX ст. НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современная действительность показывает, что среди разнообразных просветительских учреждений, пропагандирующих культурные достижения народов, особое место принадлежит музеям. Как одно из важных доказательств их значимости является впервые принятый в Украине 29 июня 1995 года «Закон України про музеї та музейну справу», который обозначает музеи как «культурно-освітні та науково-дослідні заклади, призначені для вивчення, збереження та використання пам'яток природи, матеріальної і духовної культури, прилучення громадян до надбань національної і світової історіко-культурої спадщини»[1].

Заметная в Украине тенденция повышения роли музеев обуславливает необходимость изучения истории этнических культур. Для Крыма актуален опыт работы местных музеев, учитывающих особенности этнической истории полуострова. Тема в литературе практически не разработана, лишь отчасти она затра-

гивается в статье А.И.Полканова «Крымохрис и Крымкультура»[2, с. 15–17]. Поэтому автором и поставлена цель выделить в работе музеев Крыма этнографическое направление. С этой целью изучены опубликованные источники и архивные материалы по данной теме, выявлены музеи Крыма в которых велась работа по этнографии, проанализированы все направления музейной деятельности и отобраны мероприятия, способствующие изучению и сохранению этнической культуры. Сделан акцент на освещение материалов, не введенных в научный оборот другими исследователями. Несмотря на отсутствие отчетов, на основании ряда факторов, высказаны предположения о возможности проведения серьезных исследований работниками музеев. Показана роль Главнауки, I Всероссийского музейного съезда в проведении музейной работы среди нацменьшинств.

Было выявлено, что вопросами этнографии занимались: Центральный Музей Тавриды, Бахчисарайский дворец-музей, Ялтинский естественно-исторический музей и Евпаторийский краеведческий музей [1, 79–81]. Что касается их конкретной деятельности, то в отчетах Центрального Музея Тавриды за 1926–1927гг. отмечалось, что музеем были организованы экспедиции и научные исследования по изучению диалектов греков в Мариупольском уезде – высленцев из Крыма. В отчете музея подчеркивалось: «Работа эта является совершенно новой и оригинальной в области сравнительного изучения говоров крымских греков и результатом двухлетней работы Д.С. Спиридонова в Мариуполе [2, 7]. Среди научных трудов Д.С. Спиридонова значится работа «О мариупольских греках». До 1932г. Д.Спиридонов ежегодно бывал в Мариупольском округе с научными целями и собирал необходимый материал [3, с. 439]. В этот период в Мариуполе уже существовал окружной музей краеведения, фонды которого насчитывали около 5 тысяч экспонатов. В музее был этнографический отдел, «греческий подотдел» которого ставил задачу изучать «историю, быт и антропологию греческого населения края» [4, с. 145], так что деятельность ученого из Крыма была необходимой и важной не только для своего края.

В экспедиционном порядке проводились исследования быта перекопских цыган. В 1926г. эту работу осуществляла заведующая отделом этнографии А. Х. Исхакова в течение месяца. В документах архива отмечалось, что материал обработан и хранится в музее, что будет напечатан в трудах музея, но самих материалов нет. Отсутствуют также, указанные в отчетах, ее материалы по симферопольским цыганам курбетам – результат многолетних научно-полевых исследований [5, с. 49]. Однако в фонде ЦИК Крымской АССР хранится протокол заседаний кооперативного актива цыган, который помог составить представление о истории и культуре этого крымского народа и предположить, что у заведующей этнографическим отделом музея А. Исхаковой могли быть достаточно серьезные исследования. Компактное проживание в «Цыганской слободке» делало возможным вести наблюдения по духовной культуре цыган – религии, обрядам, традиционным праздникам, фиксировать их музыкальное и танцевальное творчество, делать записи цыганского фольклора. Было удобно производить зарисовки жилища, одежды, изучать пищу, ремесла, позволяло вести наблюдения по этнографии детства – отношение к воспитанию детей, их обучению и другим этнографическим темам.

Стимулом для активной организации этнографических исследований крымских музеев явилось Постановление, принятое Главнаукой в сентябре 1928 года об активизации музейной работы среди национальных меньшинств. Одним из аспектов работы музеев Крыма стали научно-методические разработки инструктивных материалов, в том числе этнографических программ для научного изучения разных этнических групп полуострова. Так, в отчете Центрального музея Тавриды отмечалось, что согласно с новым планом комплектования фондов впервые в музее появились материалы по культуре крымских армян. При музее были организованы кружки по изучению армянской и татарской культуры, налажена связь с караимским обществом и армянским клубом [6, с. 8–9]. Вопрос о сборе материалов по этнографии, требования к построению экспозиции, рекомендации о проведении экскурсий в этнографическом отделе прорабатывался самым тщательным образом, на совещания приглашались члены клуба и научных обществ [7, с. 5]. Сотрудники Центрального музея Тавриды и сами являлись членами научных обществ. Заседание самих обществ [ТОИАЭ, Общества по изучению Крыма /ОПИК/ систематически устраивались в музее [8, с. 9]. Надо заметить, что для того периода в целом по стране было характерно то, что народоведческие студии, кружки перерастали в научно-исследовательские, собирательские учреждения [9, с. 37]. В 1927г. Центральным музеем Тавриды была организована юбилейная выставка к 10-летию Октябрьской революции: 380 экспонатов. Этнографические предметы были представлены в разделе ««Быт эпохи гражданской войны». В 1926–1927гг. на базе Музея Тавриды была организована практика студентов Ленинградских ВУЗов. Студент И.И. Кургин по заданию отдела этнографии проводил обследование перекопских цыган. Согласно отчета 1926г. в музей поступило 95 предметов. Для предметов этнографии была заведена отдельная инвентарная книга: 725 экспонатов на 1926 год. Судя по отчетам 1926–1927 годов изучением было охвачено 5 этносов и этнических групп полуострова: крымские татары, армяне, караимы, греки, цыгане. Изучался быт, хозяйство, фольклор, диалекты, семантика вышивок и техника вышивания [9, с. 5].

Вместе с тем, следует отнести к недостаткам музейной этнографической деятельности узость охвата изучения этнических культур, слабую согласованность в проведении совместных экспедиционных исследований со столичными музеями [10, с. 7]. Так, известно, что в 1926–1927гг. широкую программу изучения этнических культур в Крыму осуществлял Музей народов СССР/г.Москва/. Они исследовали болгар, немцев-колонистов, крымских татар. По результатам экспедиций в 1926 году появились так называемые

обстановочные сцены. Это были комплексы предметов, воспроизводящие бытовую обстановку или какой-нибудь процесс «на полном ходу», в частности ремесленные мастерские крымских татар [11, с. 148–152]. Отсутствие обмена экспозиционным опытом между музеями, несогласованность в полевых исследованиях Крыма, бесспорно, говорила об отставании в вопросах музейного этнографического развития Крыма.

В 1930 году в Москве состоялся I Всероссийский музейный съезд. Указывалось на необходимость создания тематических экспозиций на базе диалектического материализма. Для показа социалистических преобразований рекомендовалось широко использовать иллюстративный материал [12, с. 88]. Музейный Крым по своему готовился к этому съезду. На I Всекрымском съезде по изучению производительных сил /май 1928г./ было вынесено предложение превратить Крым в опытное поле музейной реформы. Оговаривалось, что если опыт окажется удачным, он будет распространен на все РСФСР, если нет, то музеи смогут учиться на его ошибках. Было вынесено предложение создавать в Крыму музеи специализированного характера. В Евпатории музей должен показывать быт караймов, в Бахчисарае – быт крымских татар. Было признано необходимым создавать музей в Карасубазаре, где он мог бы содействовать развитию кустарной промышленности татар [13, с. 3–7].

О том, как работали музеи Крыма по реализации решений I Всероссийского съезда можно составить представление из Докладной записки представителя музейного отдела Наркомпроса РСФСР Г.А. Самари-на. В качестве негативного момента указывалось, что музеи базируются на старых буржуазных принципах деления на отдельные отделы /археологический, этнографический, экономический, быта, искусства и т.д./ и поэтому нет ни в одном из них стройной и четкой картины, которая бы показывала процесс в духе диалектического материализма. В качестве положительных сторон было признано наличие естественно-исторические коллекций Симферополя, имеющих «мировое значение». Среди музеев Ялты представителем музейного отдела Наркомпроса был отмечен Восточный музей с его роскошным собранием восточных мусульманских раритетов, который «внедряет в сознание тысяч посетителей Ялтинского музея вредные теории о самобытности востока, а материалы о крымских татарах совершенно тонут в изобилии восточных экзотических редкостей» [14, с. 5–7].

Эта весьма скудная информация все же является свидетельством того, что в начале 30-х годов в Крыму деятельность музеев в области этнографии свернута не была. Хотя рекомендации съезда «использовать больше вспомогательный материал» привели к тому, что для большинства музеев России и Украины стала характерна тенденция освободить музеи «из плена вещей», из экспозиций извлекались этнографические экспонаты, в ряде музеев были свернуты и ликвидированы этнографические отделы [15, с. 170].

Таким образом, как показывает вышеизложенный материал, особый размах в подъеме этнографической деятельности музеев свойственен был 20-м годам: этнографические отделы возникли почти при всех музеях Крыма, были развернуты экспедиционные исследования, к их участию привлекались широкие трудящиеся массы. Предметом исследований было выявление культурно-бытовых особенностей национальных групп, явления материальной культуры, новые черты обрядности и быта. Эта разносторонняя исследовательская работа музеев обеспечивала формирование бесценного этнографического фонда, который и до настоящего времени является основной источниковедческой базой изучения этнической культуры Крыма.

Однако, в этот период проводились мероприятия, связанных не только с пополнением, но и с изъятием из музеев предметов этнической культуры. Так, в ГА АРК хранятся документы, обозначенные в 1930г. грифом «Секретно. Циркулярно. Срочно». Это письма секретной части Наркома финансов РСФСР в республиканские, краевые, областные финотделы, Наркомпросы. Были они следующего содержания: «Во многих музеях РСФСР до настоящего времени хранятся изделия из серебра, а также серебряная монета, не имеющие музейного значения. Ввиду этого НК РСФСР и Наркомпрос РСФСР предлагает вам в самом срочном порядке во всех музеях, без исключения, находящихся на территории АССР, края, области произвести тщательную проверку хранящихся серебряных изделий /монет, слитков и пр./ и все, не представляющее музейной ценности серебро, сдать Госбанку для реализации [16, с. 71]. Заведующим музеями вменялось в обязанность предъявлять для осмотра все имеющиеся у них описи и серебро. К отбору серебра требовали отнестись с максимальной тщательностью и не допускать изъятия предметов музейного значения. Для изымаемых предметов должны были составляться точные описи с перечислением вида и веса серебра. Следующие документы этого же дела требовали создания комиссий для проведения в жизнь задания Центра [17, с. 62]. Специальная Комиссия по изъятию разных серебряных предметов не музейного значения из Центрального музея Тавриды после суток кропотливого труда предоставила в Наркомпрос Крыма Акт. Обследованию подверглись художественный, археологический и этнографический отделы как в выставочной части так и по запасным фондам и хранилищам, в результате чего были выявлены серебряные изделия, не имеющие музейного значения. Далее давался перечень предметов: нагрудные знаки с монограммами, культовые предметы, монеты. В Акте было указано, что согласно распоряжения, имущество передается из Музея Крымской конторе Госбанка для переотправления, на московский Аффинажный завод с надписью «Музейное».

Еще один подобный Акт был составленный в Бахчисарае. В Акте было примечание: «Кроме указанных предметов в музее имеется целый ряд парных золотых и серебряных изделий в виде серег, браслетов, поясных пряжек, несколько экземпляров гарнитуров, характеризующие бытования этих предметов среди татар, на изъятие которых имеются возражения со стороны района и Дирекции музея, как например, одной из пары серег, многих экземпляров «гаматур ычарок», имеющих разнообразные рисунки» и др. [18,

58–69]. При анализе вышеизложенных документов можно констатировать факты сокращения этнографических коллекций в фондах крымских музеев по причине исполнения подобных правительственных циркуляров, так как все предметы были музейного значения и большинство из них – предметы этнической культуры.

Подобные материалы с грифом «Не подлежит оглашению» были присланы в 1930г. всем облоно из сектора науки Наркомпроса РСФСР. Всем музеям предлагалось в 2-х месячный срок пересмотреть все имеющиеся фонды из цветного металла: колокола, пушки, ворота, ограды, тумбы на предметы передачи их Рудметаллторгу, кроме имеющих историческое и художественное значение [19, с. 23–24].

Из крымских документов по этому поводу в архиве хранится распоряжение инспектора по музейным делам Наркомпроса директорам всех крымских музеев создавать комиссии, пересмотреть все дореволюционные монументы и представить списки таковых [20, с. 76]. Актов работы Комиссий нет, только на некоторых письмах резолюция директора музея о сделанных распоряжениях [21, с. 75–76].

Эти документы – свидетельство негативных тенденций начала 30-х годов – времени, когда в целом по стране меняется отношение к этнографии как науке, меняется также характер взаимоотношений музейных организаций столицы Союза и его Крымской автономной республики. На смену тесному сотрудничеству, инициативе со стороны центра, действенной научной и финансовой помощи начинают приходить подобные указания, которые явно не способствовали развитию музейной этнографии.

На наш взгляд, несмотря на ограниченность материала и присутствие негативных фактов, есть основания говорить, что в развитии музейного дела Крыма в середине 20-х годов основной тенденцией является обозначение музеев прежде всего как научно-исследовательских учреждений, культурно-просветительная работа которых базировалась на основе их научной деятельности.

Источники и литература

1. Закон Украины про музеї та музейну справу // Законы Украины. – Т.9. – К., 1997. – 342с.
2. Полканов А. Крымохрис и Крымкультура // Педагогическая жизнь Крыма – Орган Народного Комисариата просвещения Крымской АССР.– Симферополь. – 1925. – №1-2/январь-февраль/.
3. Протоколы заседаний библиотечных комиссий, общих собраний членов, отчеты о деятельности и сведения по личному составу Ялтинского отделения Крымско-кавказского Горного клуба. Отрывки из очерков «По Крыму». Коллекция Э.Ф. Петриковского // ГА АРК. – Ф.661. – Оп. – Д.12. – Л.1–119.
4. Резолюция IV Всекрымской конференции музейных работников в Керчи 12-13 сентября 1926г. // ГА АРК. – Ф.Р-2865. – Оп. 1. – Д. 2. – Л.14.
5. Протоиерей Николай Доненко Наследники царства. – Симферополь, 2000.
6. Скрипник Г.А. Етнографічні музеї України. – Київ, 1989. – 304с.
7. Гамалов. Наркомпрос, Приглашение профессору Крымпединститута В.И. Филоненко на совещание по вопросу о крымчакском алфавите о 1.06.1927г. №3324 // ГА АРК. – Ф.Р-3864. – Оп.1. – Д. 380. – Л.11.
8. Филоненко В.И. Программа по курсу «Этнография турецко-татарских народов» // ГА АРК. – Ф.Р-386. – Оп.1. – Д. 379. – Л.1 –3.
9. Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые 10 лет Советской власти. // История музейного дела в СССР. – М., 1971. – С. 37.
10. Гамалов. Наркомпрос, Приглашение профессору Крымпединститута В.И. Филоненко на совещание по вопросу о крымчакском алфавите о 1.06.1927г. №3324.// ГА АРК. – Ф. Р-3864. – Оп.1. – Д. 380. – Л.11.
11. Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве. // Этнографическое обозрение. – 2001. –№ 2. – С. 144–161.
12. Труды Первого Всероссийского музейного съезда.– М,1932. – Т.1. – С.88.
13. Гриневич К.Э. Очередные задачи музейного строительства в Крыму. Из доклада на 1 Всекрымском съезде по изучению производительных сил. Май.1928г. // Крым. – №2/7/. – М- Л-д.,1928. – С.60–64.
14. Письмо Симферопольского отдела рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов в Крымцик об организации Красного уголка «Айсоров».1928г. Л.4. // ГА АРК.– Ф. Р-3864. – Оп.1. – Д. 383. – Л.5.
15. Закс А.Б. Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. – 1962. – № 5. – С. 170.
16. Омеров, Умеров, Боданинский, Касименко. Акт об изъятии ценного имущества немусейного значения из Бахчисарайского музея на основании секретного предписания Наркомфина Крыма от №.07.193 // ГААРК. – Ф.Р-20. – Оп.3. – Д. 92.
17. Грансберг, Эпите Н., Сайгушкин, Луппол - РСФСР, Нарком финансов. Секретная часть. 17 июня 1930г. Москва. Секретно. Циркулярно. Срочно. НК АССР. Крайоблфинотделам и НКН АССР. Крайоблнаробразам. Циркуляр о сдаче Госбанку для реализации изделий из серебра // ГААРК. – Ф.Р-20. – Оп.3. – Д.92. – Л.61.
18. Байбулатов, Кантор - Нарком финансов Кр.АССР в Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Феодосийский и Ялтинский Райфинотделы и финчасти Бахчисарайского РИКа. Уполномоченным по Госфондам. Секретно. Циркулярно. Циркуляр о необходимости создания комиссии для выполнения заданий центра по изъятию музейных предметов из серебра // ГААРК. – Ф.Р- Оп.3. – Д.92. – Л. 62.

19. Акт от 13.07.30г. по выявлению серебряных не музейных изделий в Центральном музее Тавриды, произведенного на основании циркуляра НКФ от 18.06.1930г. за № 90/В // ГААРК. – Ф.Р-20. – Оп.3. – Д.92. – Л. 66-67.
20. Циркуляр сектора науки НКП РСФСР 21 июля 1930г. за № 50103 всем облоно и крайоно дать распоряжение всем музеям о выделении изделий из цветных металлов, не имеющих художественного и исторического значения// ГААРК. – Ф.Р-20. – Оп.3. –Д.92. – Л.73.
21. Кантор , Фельде. Нарком финансов. Секретная часть.1930г. Наркомпросу Крыма о создании специальной комиссии по изъятию из Центрального музея Тавриды серебряных предметов// ГААРК. – Ф.Р-20. – Оп.3. – Д.92. – Л. 65.

Дербенева Т.П.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Религию как социальный феномен необходимо рассматривать с позиций институционального подхода. Речь идет о том, как формируются и функционируют религиозные группы и институты, благодаря чему они функционируют или прекращают свое существование, какие отношения существуют между религиозными группами и почему возникают между ними конфликты?

С научной точки зрения, а именно философско-социологической, нас интересуют религиозные верования не сами по себе, а то, что происходит в обществе под влиянием религии. С практической точки зрения верования не всегда влияют на поведение людей: индивид может принадлежать к той или иной религиозной группе, но не осознавать сущности этих верований. Кроме этого, религиозные институты могут влиять на поведение людей независимо от верований и даже вопреки им. Именно религиозные институты обеспечивают продвижение религиозных идей в обществе, их реализацию в культовой практике, способствуя духовно-практическому осмыслению окружающего мира. Религиозные организации включены в систему социальных отношений и испытывают на себе их влияние и даже претерпевают вследствие этого изменения [3, с. 204]. Становление религии как социального института было связано с такими проблемами:

- во-первых, выяснение того, что относится к понятию “религия”;
- во-вторых, определение наиболее важных признаков религии;
- в-третьих, без учета религиозного фактора формирование институтов гражданского общества станет незавершенным.

Возрастание теоретической и практической значимости религиозного фактора определило выбор темы публикации, цель и задачи исследования.

Главная цель публикации заключается в определении роли религии как социального института. Исходя из главной цели, выделяются следующие задачи:

- уточнить методологические основы исследования, исходя из особенностей религиозного фактора в современных условиях;
- обосновать роль религии в формировании и функционировании институтов гражданского общества;
- показать на примере социологического исследования влияние религии на гражданское общество.

Исследованию религии как социального института посвящены работы Э.Дюркгейма, М.Вебера, О.Конта, К.Маркса и других социологов [1]. Например, М.Вебер считал, что все социальные институты, структуры и формы поведения регулируются смыслом, который вкладывают в них люди. Религию Вебер рассматривал как фактор социальных изменений, а главной функцией религии – рационализацию человеческой деятельности. В свою очередь, О.Конт в исследовании общественной жизни считал важным определить социальную роль религии. По мнению О.Конта общество проходит три стадии развития: теологическую, философскую или метафизическую и научную. Каждая стадия связана с определенными социальными структурами, отношениями в сфере власти. О.Конт рассматривал религию как необходимый компонент, дающий людям чувство идентичности.

Другой социолог Э.Дюркгейм сосредоточил внимание на трех взаимосвязанных темах:

- общая теория общества, в которой религия выступает как интегрирующий фактор;
- специальная теория общества – социология религии, в рамках которой возможно объяснить появление различных религиозных образований;
- этнология религии – религия австралийских аборигенов.

В своих исследованиях Э.Дюркгейм пришел к выводу, что религия распространена во всех обществах и представлена как универсальный социальный феномен. Однако в социологической мысли существовало мнение, которое определяло религию, как культовую привычку, не имеющую большого значения (Г.Спенсер); или другое мнение, свидетельствующее о том, что религия – элемент общественных отношений, которые порождаются, прежде всего, экономикой и рынком (К.Маркс).

В целом, социологическая мысль базировалась на таких функциональных положениях:

- 1) Религия как фактор стабильности общества, которая обеспечивается благодаря коммуникативной функции;